

ЧЕТЫРЕ ПОЗИЦИОННЫЕ ВОЙНЫ ГРЭМА ХАРМАНА

АРТЕМ МОРОЗОВ

АРТЕМ МОРОЗОВ. Студент
философского факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова.

Адрес: 119991, Москва, ГСП-1,
Ломоносовский просп., 27, корп. 4.
E-mail: cmpelok@gmail.com.

Ключевые слова: Грэм Харман,
Анри Бергсон, Жиль Делёз, объектно-
ориентированная онтология, релятивизм,
материализм, окказионализм.

В статье затрагиваются несколько тем из переведенных на русский язык отрывков книги Грэма Хармана «Государь сетей: Бруно Латур и метафизика». Предпринимается попытка обнаружить мотивы, которыми Харман мог руководствоваться при интерпретации подручного и наличного у Хайдеггера. Дается анализ и обзор противостояния объектно-ориентированной философии материалистическим тенденциям (включая так называемую философию виртуального Жюль Делёза и его наследников).

Комментируется повторяющаяся у Хармана дилемма окказионализма и скептицизма (эмпиризма). На первый взгляд перечисленные темы имеют мало общего, однако автор выдвигает гипотезу, согласно которой за всеми данными мотивами скрывается общая проблематика.

GRAHAM HARMAN'S FOUR
POSITIONAL WARS

ARTEM MOROZOV. Student at the
Lomonosov Moscow State University.
Address: 27-4 Lomonosovskiy prospekt,
GSP-1, 119991 Moscow, Russia.
E-mail: cmpelok@gmail.com.

Keywords: Graham Harman, Henri Bergson, Gilles Deleuze, object-oriented ontology, relationism, materialism, occasionalism.

This article addresses several themes from Graham Harman's book *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*, excerpts from which were translated into Russian. The author aims to uncover the reasons behind Harman's interpretation of readiness-to-hand and presence-at-hand in Heidegger. The confrontation between object-oriented philosophy and materialistic tendencies in contemporary philosophy (including the so-called "philosophy of the virtual" of Gilles Deleuze and his successors) is reviewed and analyzed. The dilemma of occasionalism and skepticism (empiricism), which is one of the most recurrent themes in Harman's texts, is also looked at. At first glance, these topics have little to do with each other. However, the author supposes that there are hidden common problems underlying these topics.

1. ХАРМАН VS ПРАГМАТИЗМ/РЕЛЯЦИОНИЗМ

НА ПОДСТУПАХ к своей докторской диссертации, посвященной Хайдеггеру, Харман принял решение, которое во многом определило дальнейшие взлеты и падения предлагаемой им объектно-ориентированной философии. Решение заключалось в том, что прагматическая интерпретация подручного и наличного слишком поверхностна и что ей недостает глубины, чтобы оказаться правдой. Грубо говоря, подручное — это не система взаимоотношений, обустроивающая нашу повседневную практику. Подручное, как говорит Харман, никоим образом не связано с практикой, равно как и с теорией, этими двумя способами подступиться к вещи¹. Напротив, введение Хайдеггером подручного обозначает тот факт, что вещь радикально нам недоступна и оказывается собственным изъятием (*withdrawal, Entzug*), причем изымает она себя не только из «замка человеческой субъективности», но и из отношений со всем остальным, существующим в мире. Онтологическое различие сводится к различию между подручным и наличным². Иными словами, подручное — это одновременно нечто вроде кантовской *Ding an sich*, запрещенной в философии Уайтхеда *vacuous actuality* (того, что выпадает из

Автор хотел бы выразить благодарность Йоэлю Ревеву, в беседах с которым этой статье удалось родиться дважды.

1. См.: *Harman G. Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Chicago: Open Court, 2002. § 11. Not Pragmatism. P. 114–127.
2. «Хайдеггеровские штудии часто уводит в сторону опасное непонимание того, что значит термин *онтический*. В то время как многие читатели ведут себя так, как если бы он значил „относящийся к объектам“, на деле он значит „относящийся к наличному“» (Ibid. P. 6).

всех отношений) и левинасовского *tout autre*, только, как кажется, гораздо менее антропоморфного.

Из статьи в статью и из книги в книгу вплоть до сегодняшнего момента Харман не устает повторять:

Сильно упрощая, мы можем сказать, что в основе кантианской революции в философии лежат два принципа:

1. Кант разделяет феномены и ноумены. <...> Человеческие существа конечны; абсолютное знание им недоступно. Вещи в себе мыслимы, но непознаваемы.

2. Отношение человек–мир является философски привилегированным для Канта³.

И если на борьбу со вторым пунктом Харман тратит все свои силы, когда объявляет войну философиям привилегированного доступа человека (*philosophies of human access*), то первый служит ни много ни мало основанием всего его философского проекта. Хайдеггер, таким образом, предстает для Хармана утонченным толкователем кантовской двоицы феноменов и ноуменов, превращающим эту двоицу в четверицу. В случае Хармана четверицу составляют реальный и чувственный (интенциональный) объекты, которых сопровождают качества, опять-таки реальные и чувственные. Ситуация не может не напоминать о нововременном разделении первичных и вторичных качеств, проведенном Декартом и Локком, а также о связанных с данным разделением двумя типами субстанции, *res extensa* и *res cogitans*.

Философия Хармана, как может показаться, по-прежнему лежит в русле картезианской парадигмы, но с одним существенным отличием — «протяженность» и «мышление» вкупе с первичными и вторичными качествами у Хармана больше не соотносятся с дуальностью человек–мир. Субъективность (или, как, скорее, выразился бы Харман, интенциональность) радикально экстериоризуется, причем так, что всякий объект оказывается способным хотя бы к примитивному абстрагированию, будь он одушевленным или неодушевленным:

Если запах и цвет хлопка (для людей) — вторичные качества, то тогда его воспламеняемость (для огня) — точно такое же вторичное качество⁴.

3. *Idem*. The Well-Wrought Broken Hammer: Object-Oriented Literary Criticism // *New Literary History*. 2012. Vol. 43. № 2. P. 188.

4. *Idem*. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: re.press, 2009. P. 112.

Аналогичное «минимальное отличие» Харман допускает и в отношении принимаемой им кантианской парадигмы, которая вместе с картезианской образует естественный континуум:

В то время как Фихте и его наследники сосредоточились на ампутации вещей в себе как бесполезных рудиментарных конечностей, посткантианские мыслители в параллельной вселенной могли бы вместо этого покритиковать Канта за то, что он не ввел *глобальной* трансцендентности вещей и за пределами исключительно человеческой сферы. А именно они вполне могли бы привнести феноменально-ноуменальное деление в отношения в неодушевленном мире как таковые, что я и намереваюсь сделать⁵.

Однако в кантианской парадигме Хармана не устраивает еще один момент. Даже если мы принимаем существование вещей в себе, это еще не означает торжества реализма, ведь нам ничего не известно о том, как они взаимодействуют и соотносятся друг с другом. Вещи в себе представляются чем-то вроде изолированных друг от друга вселенных, никоим образом не соприкасающихся. Харман, как ни странно, поддерживает этот образ, но в то же время говорит: да, все объекты оторваны друг от друга, *тем не менее* они вступают во взаимодействие — это факт, не подвергаемый сомнению; вопрос в том, как это вообще можно объяснить.

Здесь еще сильнее заметна разница между прагматической интерпретацией Хайдеггера и хармановским прочтением. В первой подручное в качестве системы практических взаимоотношений обосновывает наличное как теоретизирование в широком смысле слова — одно оказывается подчинено другому, как, в общем-то, и у самого Хайдеггера, чьи строки о наличном всегда крайне негативно окрашены. В прочтении Хармана, казалось бы, вся реальность приходится на сторону подручного (отсюда: *реальные* объекты, *реальные* качества), но это не совсем так. Функция сферы наличного (по Харману: интенциональности объектов) состоит в том, чтобы служить проводником для взаимодействий между реальными объектами, — таково содержание доктрины Хармана о замещающей или окказиональной причинности⁶. По одну сторону — скрытое в глубинах бытие изолированного объекта, его исполнение (*execution, Vollzug*); по другую — причинность, разыгрывающаяся на реляционных и чувственных поверхностях.

5. Ibid. P. 222.

6. См.: Харман Г. О замещающей причинности / Пер. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114). С. 75–90.

2. ХАРМАН VS МАТЕРИАЛИЗМ/ИДЕАЛИЗМ

Главным врагом объектно-ориентированной философии объявлен материализм. В первый раз тема противостояния материализму серьезно поднимается в «Государе сетей», где Харман, опираясь на заметку Латура «Извините, вы не могли бы вернуть нам материализм?», приходит к выводу, что материализм является довольно вульгарной формой идеализма и ничем иным быть не может, поскольку упорно отстаивает деление на первичные и вторичные качества и — в конъюнкции с ним — незыблемую важность для философии отношения человек–мир.

Сам Латур, разумеется, подчеркивает, что материализм является формой идеализма, но лишь в *текущем* его состоянии, и просит вернуть нам настоящий материализм. Однако Харман настроен куда более скептически. В серии текстов, вышедших после «Государя сетей», он предлагает следующее уравнение: объектно-ориентированная философия = «реализм без материализма». На вопрос о том, как в таком случае следует поступить с отброшенным в сторону материализмом, Харман отвечает провокативным лозунгом: «И все же материализм должен быть разрушен»⁷.

Как определить материализм в терминах самой объектно-ориентированной философии? На основе тезисов из недавней книги Хармана «Четвероякий объект»⁸, введением к которой служит спор с материализмом, можно заключить следующее:

- Материализм как таковой есть сочетание двух радикальных жестов — проваливания (*undermining*) и наваливания (*overmining*) объектов⁹.
- Провал объектов производится в области реального, навал объектов — в области чувственно-интенционального.

Эти выводы достаточно очевидны уже в «Государе сетей», особенно если учесть нежелание Хармана как-либо разделять идеализм и материализм:

7. См.: Harman G. I Am Also of the Opinion That Materialism Must Be Destroyed // Environment and Planning D: Society and Space. 2010. Vol. 28. P. 772–790; *Idem*. Realism without Materialism // SubStance. 2011. # 125. Vol. 40. № 2. P. 52–72.
8. *Idem*. The Quadruple Object. Winchester (UK); Washington: Zero Books, 2011. P. 8–13.
9. Эту концептуальную пару можно было бы с равным успехом передать по-русски как «подрыв» (*undermining*) и «надрыв» (*overmining*).

Если идеалисты сводят взаимодействия между телами к их явлению в сознании, то натуралисты осуществляют такую же редукцию в обратном направлении. Вместо того чтобы превратить огонь в феномен огня, они превращают этот феномен во всего лишь эпифеномен истинной реальности огня на микроуровне¹⁰.

Провал и навал объектов — вот сущность материализма. При этом материализм, который ограничивает себя «провальной» стратегией, Харман, следуя европейской системе нумерации этажей зданий, называет «материализмом нижнего этажа» (*ground floor materialism*), а материализм, который занимается только навалом, — «материализмом первого этажа» (*first floor materialism*). Для материалиста нижнего этажа объект есть нечто слишком поверхностное и близкое, чтобы быть реальным; он, скорее, является актуализацией некоего лежащего в его основе принципа или же разложим на более фундаментальные составляющие его *части*. Для материалиста первого этажа, напротив, объект — это мнимая глубина, он полностью сводим к *качествам* в нашем восприятии либо системе *отношений*. Кто же может служить примером такого материалиста? Харман щедр на имена: научный материализм в духе Ледимена и Росса представляет собой материализм нижнего этажа, диалектический материализм в стиле Бадью и Жижекка¹¹ — материализм первого этажа. Что касается товарищей Хармана по спекулятивному реализму, то, по его мнению, Квентин Мейясу наваливает объекты, Йен Гамильтон Грант проваливает, а Рэй Брасье делает с ними и то и другое¹².

Таким образом, материалист — всегда редукционист; разница лишь в том, редукционирует он снизу, сверху или по обе стороны оси сразу. Но в конечном счете оказывается, что редукция вверх должна компенсироваться редукцией вниз, и каждый материалист следует как проваливающей, так и наваливающей объекты стратегии в том или ином их соотношении, не всегда отдавая себе в этом отчет: провал и навал по отдельности друг от друга представляют собой «отвлеченные начала» материализма, одно из которых, впрочем, по необходимости коллапсирует в другое¹³.

Как видно по нумерации этажей, в основание Харман кладет

10. *Idem*. Prince of Networks. P. 108.

11. *Idem*. I Am Also of the Opinion That Materialism Must Be Destroyed. P. 772, 785.

12. См. следующую запись в блоге Хармана: Levi on OOO // Object-Oriented Philosophy. December 5, 2009. URL: <http://doctorzamalek2.wordpress.com/2009/12/05/levi-on-ooo/>.

13. *Idem*. I Am Also of the Opinion... P. 785.

именно провал, хотя в вышедшем чуть раньше «Четверояком объекте», в отличие от статей 2010–2011 годов, он говорил о невозможности представить абсолютно «провальное» движение «немецкий монизм» (в противоположность немецкому идеализму, занимавшемуся исключительно навалом)¹⁴. О том, как сам навал коллапсирует в провал, Харман лишь обещал поведать. Вообще же интересно, как функционирует это различие, поскольку отношения *части и целого*, являющиеся по сути «предметом» провала, — это отношения ровно в той же степени, что и те, к которым пытается свести объект наваливание. Но почему тогда отношения части и целого оказываются будто бы выделенными особо?

3. ХАРМАН VS СКЕПТИЦИЗМ/ЭМПИРИЗМ

Что ж, Грэм Харман никогда не был заинтересован в редукционизме, но в чем-то строго противоположном:

Одно из важнейших решений, принимаемых философами, касается произведения или изведения (*production or destruction*) разрывов в космосе. Иными словами, философ может заявить, что либо то, что представляется единым, по сути делится надвое, либо то, что кажется двояким, на деле является одним. <...> Поскольку тех, кто уничтожает разрывы, сводя их к единому принципу, обычно называют *редукционистами*, воспользуемся словом «*продукционисты*» для описания тех философов, кто открывает новые разрывы в мире там, где их раньше не было¹⁵.

Но, в отличие от Квентина Мейясу, Харман не спешит избавиться от категории связи вообще. Ведь, по его мнению, «весь фокус в том, чтобы объяснить тот факт, что вещи одновременно связаны и не связаны друг с другом. Подлинное имя этой противоречивой связанности — „принцип достаточного основания“»¹⁶. И потому одна из регулярно повторяемых в самых разных его текстах, в том числе и в «Государе сетей», тем — дилемма окказионализма и скептицизма (или, в иной формулировке, эмпиризма) как двух различных подходов к решению проблемы бессвязной связанности.

14. *Idem*. The Quadruple Object. P. 15.

15. *Idem*. Weird Realism: Lovecraft and Philosophy. Winchester (UK); Washington: Zero Books, 2012. P. 2–3.

16. *Idem*. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. P. 142.

Окказионализм Абу Хамида аль-Газали и Николя Мальбранша полагает в качестве исходной ситуации существование множества различных субстанций, никоим образом не связанных. Вопрос в том, как они вообще могут вступить в отношения друг с другом? Как могут сообщаться не только душа и тело, но одно тело с другим? Решение таково — дать одной из субстанций (а именно Богу) привилегию связывания других субстанций, право выступать универсальным медиатором. В широком смысле окказионализмом являются не только работы арабских и французских теоретиков, но также учения Декарта, Спинозы, Лейбница: в конечном счете связь между *res cogitans* и *res extensa* обеспечивается у Декарта тем или иным образом именно Богом; связь между порядком вещей и порядком идей обуславливается тем, что оба порядка выступают атрибутами единой божественной субстанции Спинозы; гармония восприятий монад предустановлена Богом у Лейбница. Причинность у окказионалистов никогда не прямая, но замещающая.

Что касается скептицизма, или эмпиризма, то Харман рассматривает его всего лишь как «окказионализм наизнанку», смесь редукционизма с окказионалистским продукционизмом:

Юм *изводит* разрывы, когда говорит, что объекты — это не более чем пучки качеств; но он также и *производит* разрывы, когда отрицает возможность доказать наличие причинных отношений между объектами (последнее утверждение — это наследие окказионалистов, которыми Юм восхищался)¹⁷.

Что до Беркли: поскольку *esse est percipi*, то, чтобы предмет, воспринимавшийся мной ранее, но в данный момент не воспринимающийся, продолжал существовать, нужно, чтобы его за меня воспринимал Бог. Агностический настрой Юма в отношении Бога не мешает приписать его скептицизму ту же характеристику:

Обычай играет у Юма ту же роль, что Бог у окказионалистов: роль единственной подлинной связи между разделенными реальностями, хотя эти реальности для него скорее качества, чем субстанции¹⁸.

Несложно догадаться, что материалисты, проваливающие и наваливающие объекты, — это наследники окказионализма и скеп-

17. *Idem*. Weird Realism. P. 3.

18. *Idem*. Prince of Networks. P. 116.

тицизма/эмпиризма соответственно: материалист нижнего этажа стремится раздробить на части телесную субстанцию (в существовании которой он, как и окказионалист, нисколько не сомневается), чтобы свести ее к этим частям, тогда как материалист первого этажа хочет показать, что на месте предполагаемой субстанции в восприятии есть только пучки качеств и/или отношений.

Итак, проблема окказионализма — это «*проблема тело–тело*» (*body–body problem*): как отдельные *тела* могут друг с другом взаимодействовать? Возможно, стоило бы попробовать переформулировать ее другим образом, убрав акцент с телесности, чтобы перенести его на *взаимодействие* как таковое. Определение материи и телесной субстанции как *res extensa*, как тонко замечает Латур, является идеалистическим, поскольку представляет собой взгляд на материю со стороны *res cogitans*. Но что если предположить, что противостоящее *res cogitans* понятие включает в свое содержание не только и не столько «протяженность», сколько «действительность» в смысле действия и практики? И тогда возникает вопрос: так ли несправедлива прагматическая интерпретация Хайдеггера, против которой Харман выступал с самого начала своего философского пути? Ведь она оказывается способна описать противоположную хармановской «интенциональности» объектов сторону именно как такого рода «действительность», прагматику. Наконец, не в том ли заключалось открытие Канта, написавшего не только «Критику чистого разума», но и «Критику практического разума», — пускай Харман и не считает это «принципом, лежащим в основе кантианской революции»?

Вот только сами взаимодействия Харманом благодаря введенному механизму замещающей причинности располагаются на чувственном плане — хоть их *эффекты* (включающие прежде всего, если не главным образом, (де)композицию различных *частей* и образование новых *целых*) и переходят далее на реальный план, соскальзывая в глубину тел (различие, сходное с различием между производством и произведенным). В статье «Нулевое лицо и психе», посвященной дальнейшей разработке проблемы тело–тело и обоснованию своей особой «полипсихистской» позиции в философии сознания¹⁹, Харман четко обозначает свою

19. См.: *Idem. Zero-Person and Psyche // Mind that Abides: Panpsychism in the New Millennium / D. Skrbina (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009.* По поводу «полипсихизма» см. также статью Хармана того же года, где обыгрывается этот термин: *Харман Г. Объекты, материя, сон и смерть // Hegel's Job. September 3, 2013. URL: <http://hegelholiday.com/post/61120903446/harmanobjects>.*

точку зрения: мы не можем предпочесть ни описание от третьего лица, ни описание от первого лица, потому что оба являются «всего лишь описаниями» (*merely descriptions*), которые переводят объект только в его собственную поверхность.

Было бы удобно представить ситуацию так, как будто бы прагматика объектов составляла их реальный план (тут их можно было бы провалить), а интенциональный, соответственно, чувственный (где, так сказать, объектам можно было бы навалить). Но как прагматика, так и интенциональность — взятая в узком смысле только *восприятий* объектов — оказываются двумя сторонами одного и того же чувственного плана, в наложении которых друг на друга обнаруживается некий изымающий себя прокол плана реального.

Хармановское «тело» (*body*) вновь заставляет вспомнить о кантовской *вещи в себе* и ее известной двусмысленности: аффицируя нашу чувственность в рамках только теоретической способности, она все же некоторым образом «дана» и в рамках практической способности. Но в обоих случаях «данность» ее имеет изымающий себя или просвечивающий через себя характер. Стоит ли удивляться тогда тому, что две способности смыкаются Харманом в один-единственный план, причем план по сути своей *эстетический*? Эстетика вообще давно уже выходит «на первый план» в ОО, в переведенной на русский основной статье Харман даже называет ее «первой философией»²⁰; возможно, в будущем от ОО — хотя, скорее всего, уже не конкретно от Хармана — стоит ждать продвижения в осмыслении третьей «Критики»²¹.

Итак, искомое Харманом в итоге «описание» — это «нулевое лицо» (*zero-person*): объект, ускользающий от описаний как от первого, так и от третьего лица, как от теории, так и от практики. Нулевое лицо Хармана перекликается с «четвертым лицом единственного числа» Делёза из «Логики смысла», хотя Харман вряд ли согласился бы с заявлением, что Делёз (воспевающий то доиндивидуальное становление, то некое Целое...) — ценный союзник для его философии.

20. См.: *Он же*. О замещающей причинности. С. 88, особенно С. 90.

21. До некоторой степени знаком этого можно считать книгу Тима Мортон «Реалистическая магия», в которой полипсихистская позиция Хармана, требующая хотя бы мыслимой возможности существования объектов, изымающих себя изо всех отношений, немного преобразуется — эстетический план становится абсолютно необходимым, поскольку должно происходить описанное нами прокалывающее движение (*the Rift*). См.: *Morton T. Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2013.

4. ХАРМАН VS БЕРГСОН/ДЕЛЁЗ

Отношение Хармана к Делёзу довольно двусмысленно: с одной стороны, он неплохо усвоил топологический язык Делёза, в частности, постоянно оперируя дихотомией глубины и поверхности; с другой стороны, он пытается противопоставить свою философию множеству различных философий виртуального и становления — не только самого Делёза, но и делёзианцев (таких как Мануэль Деланда), — поскольку те, с его точки зрения, только и делают, что проваливают объекты в пользу некоего мифического целого, являющегося в одно и то же время и непрерывным, и разнородным. Как считает Харман, такое определение виртуального — как непрерывного (связанного), так и разнородного (бессвязного) — просто-напросто противоречиво; однако же сам он не находит ничего странного в формулировке принципа достаточного основания как вопроса о противоречивой связанности.

О вполне непротиворечивой, в свою очередь, связи объектно-ориентированной онтологии с философией Делёза свидетельствует фигура Леви Брайанта — бывшего психоаналитика лакановского толка, который стремится в своих работах совместить концептуальные содержания как Хармана, так и Делёза²². Можно сказать, что в некотором смысле Брайант оказывается более последовательным, чем Харман. Он отождествляет реальные объекты с виртуальными — шаг, на который Харман, упорно отстаивающий актуализм, не хочет пойти.

Но исчерпывается ли все содержание философии Делёза терминами «виртуальное» и «становление»? Неужели «виртуальное», этот «двойной пробег интуиции», по выражению Алена Бадью²³, — единственный ответ, который Делёз дает на вопрос о противоречивой связанности? Крайне необходимо, как нам кажется, избегать в интерпретации текстов Делёза приравнивания виртуального и поверхностной причинности, описанной в «Логике смысла», — позиции, достаточно популярной в комментаторской литературе, которой придерживается в том числе и Брайант²⁴.

22. См.: *Bryant L. Democracy of Objects*. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2011.

23. См.: *Бадью А. Делёз. Шум бытия*. М.: Логос-Альтера / Esse homo, 2004.

24. См., напр.: *Монтебелло П. Бергсон и Делёз, контр-феноменология // Логос*. 2009. № 3 (71). С. 98–106. Вот что об этом пишет в своем блоге Брайант: «В любом случае тезис Делёза–Бергсона состоит в том, что это [виртуальное] чистое прошлое — условие для актуализации. Или, иными словами, Эон — условие Хроноса» (*Deleuze's Two Conceptions of the Virtual // Larval subjects*. August 21, 2006. URL: <http://larval-subjects.blogspot.ru/2006/08/deleuzes-two-conceptions-of-virtual.html>).

В самих текстах Делёза имеется целый ряд указаний на то, что виртуальное и Эон — это разные вещи. Наиболее целесообразно в данном вопросе обратиться к описанию трех синтезов времени в «Различии и повторении». Второй синтез времени, синтез памяти, получает у Делёза имя «виртуального сосуществования уровней чистого прошлого». Третий синтез, или вечное возвращение различного, Делёз описывает как «пустое время» и, ссылаясь на Борхеса, как «высший облик лабиринта — лабиринта, вытянутого по прямой»²⁵. Точно таким же образом Делёз описывает Эон в «Логике смысла» (где он вновь ссылается на Борхеса): Эон — это «чистая прямая линия на поверхности, бестелесная, безграничная, оно — пустая форма времени, независимая от всякой материи»²⁶. Различны и топологические характеристики, которые Делёз дает этим синтезам времени, — поверхность Эона против глубины виртуального. Некоторую неоднозначность, видимо, привносит то, что в «Различии и повторении» третий синтез времени определяется через будущее, а в «Логике смысла» Эон определяется не только через будущее, но и через прошлое — и ассоциация с виртуальным приходит чуть ли не автоматически.

Для того чтобы по возможности устранить все двусмысленности в отношении, с одной стороны, виртуального и актуального, а с другой стороны, Хроноса и Эона, следует обратиться к философии предшественника Делёза — Бергсона. В «Различии и повторении» первый синтез (материальное или актуальное повторение) подчинен второму (духовному или виртуальному повторению), как это чаще всего и происходит у Бергсона; но оба они в конечном счете служат измерениями третьего синтеза. Кажется, будто бы у Бергсона нет никакого понятия, которое бы соответствовало третьему синтезу времени, или Эону из «Логики смысла». Однако же такое понятие у него есть, и оно называется... «актуальное».

Оказывается, что смысл актуального чуть шире, чем порядок габитусов-привычек, как это пытается представить Делёз. Актуальное, согласно «Опыту о непосредственных данных сознания», — это множественность, располагающаяся поверх глубин виртуального и благодаря которой становится поэтому возможным возникновение *языка*. В отличие от виртуального оно предполагает не взаимопроникновение (смесь) и неделимость (либо же дели-

25. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. С. 111, 143.

26. Он же. Логика смысла // Делёз Ж., Фуко М. Логика смысла. *Theatrum Philosophicum*. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 87–88.

мость при обязательном изменении природы смеси), а рядоположение и бесконечную делимость²⁷. Описанные пластические схемы виртуального и актуального полностью соответствуют Хроносу и Эону из «Логика смысла». Эон-язык, Эон-поверхность — это актуальное, не виртуальное, если следовать Бергсону; а *бергсоновское* виртуальное и *делёзовский* круговорот актуального и виртуального — это, в свою очередь, Хронос:

Значит, время должно быть ухвачено дважды, в двух дополняющих друг друга, хотя и взаимоисключающих, образах: как живое настоящее тел [Хронос], действующих и подвергающихся воздействию, и как момент, бесконечно делимый на прошлое и будущее, на бестелесные эффекты, которые выступают как результаты действий и страданий тел [Эон]²⁸.

Остается только один вопрос: обладает ли бергсоновское актуальное, как и делёзовский Эон, свойством поверхностной причинности? Иными словами, есть ли у Бергсона на сей раз нечто схожее с описанной Делёзом структурой резонанса между дивергентными сериями? Ответ дает книга Бергсона «Смех». Поднимаемые в ней темы — повторение и обратимость, ирония и юмор — должны быть хорошо знакомы читателям Делёза по «Различию и повторению», «Логике смысла» и «Представлению Захер-Мазоха»; не будет лишним также упомянуть, что эта книга Бергсона выступила для Хармана одним из источников вдохновения концепции замещающей причинности (местом которой, как было сказано выше, является чувственная *поверхность*)²⁹.

Комическое, как пишет Бергсон, возможно только на поверхности. Комично всегда тело, берущее верх над душой³⁰. В бергсоновской терминологии поверхности и телесности всегда соответствует актуальное, а значит, именно оно и есть сфера, где разворачивается смех и комическое.

Помимо повторения и обратимости существует третий прием комического — Бергсон зовет его *интерференцией независимых серий*:

27. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 105.

28. Делёз Ж. Логика смысла. С. 20.

29. См.: Harman G. *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*. Chicago: Open Court, 2005. P. 125–134.

30. Бергсон А. Смех // Французская философия и эстетика XX века. Вып. 1. М.: Искусство, 1995. С. 17, 36.

Положение комично всегда, когда оно принадлежит сразу к двум совершенно независимым сериям событий и может быть истолковано сразу в двух совершенно противоположных смыслах³¹.

Совпадение почти дословное, и потому весьма странно, что этому аспекту бергсонизма Делёза практически не уделяется внимание в литературе.

Хотя в строго делёзианской модели и мало собственно окказионалистских мотивов (тела в глубине способны к взаимодействию), в ней обнаруживается некоторая схожесть с моделью Хармана. В конечном счете подлинный резонанс — не резонанс на поверхности, а резонанс *между поверхностью и глубиной как таковыми*. Точно такая же связь устанавливается между ними и Харманом, о чем свидетельствуют в том числе и некоторые его замечания по поводу программ двух редукционизмов, друг от друга зависящих, а порой и нуждающихся.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ХАРМАН CONTRA ХАРМАН

Отличие хармановской стратегии от стратегии «двух валов», разделяемой в том числе остальными его товарищами по спекулятивному реализму, заключается в том, что там, где «этажный» материализм дважды редуцирует, Харман, наоборот, дважды *продуцирует* изъятия объекта — из отношений/союзов или «из» качеств — и направляет их друг на друга с целью образовать уравнивающий их резонанс серии действий и серии восприятий. Так же, как и для материалиста, для Хармана твердый и непрозрачный объект — это нечто одновременно очень близкое и очень далекое, и задача их состоит в том, чтобы суметь расположиться посередине. Однако Харман считает, что его система гораздо перспективнее, чем «этажный» материализм, который должен неминуемо трансформироваться в объектно-ориентированную философию³².

Но при этом Харман попадает в опасную ситуацию: его проблема заключается в том, что изъятия-различия объектов, а именно их нарочитая избыточность *в отношении (sic!) действий или восприятий*, представляются не самой лучшей заменой редукций-не-

31. Там же. С. 55. Курсив снят.

32. *Harman G. I Am Also of the Opinion...* P. 789.

гаций, и объектно-ориентированная философия в нынешней ее форме сама имеет тенденцию к тому, чтобы, напротив, провалиться в «этажный» материализм (собственно, как нам кажется, подобного же рода опасность подстерегала и Делёза под видом все более искушающего его со временем понятия «виртуального»). Помимо того, различие между проваливающим и наваливающим материализмом, как мы старались показать выше, является неустойчивым — отсюда колебания и неуверенность самого Хармана в замечаниях по данному поводу. Выделение отношений частей и целого или даже, скорее, *контейнера и контейнируемого*, как был бы не прочь выразиться Харман (а ведь данные термины имеют за собой некоторую историю в посткляйнианской — причем, пожалуй, наиболее «объектно-ориентированной» из всех — версии психоанализа), вполне понятно, если постараться взглянуть на предложенную им модель со стороны, ведь на них как раз и зиждется механизм *замещающей причинности*, являющийся, вероятно, самым главным на данный момент «открытием» ООО и Хармана в частности.

Неудивительно, что именно провал, затрагивающий отношения данного типа, куда более симпатичен Харману, чем навал, с которым он, скорее, находится, что называется, на ножах. Весьма иронично, однако, что большинство своих книг о других философах он до сей поры посвящал только представителям последней стратегии (Латур, Мейясу). Пожалуй, наилучшей перспективой сейчас для него было бы дальнейшее прояснение дистинкции провал/навал *в свете* замещающей причинности, но пока что Харман, к сожалению, отходит в сторону от своего основного прорыва. В целом ситуация вполне может измениться в силу появления на сцене ООО не только фигуры Тима Мортон (который остается во многом слишком консервативным), но также француза Тристана Гарсии, аналитика и диалектика, чье развитие как философа шло полностью параллельно становлению фигур ООО.

REFERENCES

- Badiou A. *Delez. "Shum bytiia"* [Deleuze. "Noise of Being"], Moscow, Pragmatika kul'tury, Logos-Al'tera, 2004.
- Bergson H. Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniia [Essai sur les données immédiates de la conscience]. *Sochineniia: v 4 t.* [Works in 4 vols], Moscow, Moskovskii klub, 1992, vol. 1.
- Bergson H. Smekh [Le Rire]. *Frantsuzskaia filosofiia i estetika XX veka. Vyp. 1* [French philosophy and aesthetics of the XX century. Iss. 1], Moscow, Iskusstvo, 1995.

- Bryant L. Deleuze's Two Conceptions of the Virtual. *Larval subjects*, August 21, 2006. Available at: <http://larval-subjects.blogspot.ru/2006/08/deleuzes-two-conceptions-of-virtual.html>.
- Bryant L. *Democracy of Objects*, Ann Arbor, Open Humanities Press, 2011.
- Deleuze G. *Logika smysla* [Logique du sens], Moscow, Raritet, Ekaterinburg, Delovaia kniga, 1998.
- Deleuze G. *Razlichie i povtorenie* [Différence et répétition], Saint Petersburg, Petropolis, 1998.
- Harman G. *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*, Chicago, Open Court, 2005.
- Harman G. I Am Also of the Opinion That Materialism Must Be Destroyed. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2010, vol. 28, pp. 772–790.
- Harman G. Levi on OOO. *Object-Oriented Philosophy*, December 5, 2009. Available at: <http://doctorzamalek2.wordpress.com/2009/12/05/levi-on-ooo/>.
- Harman G. O zameshchaiushchei prichinnosti [On Vicarious Causation]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2012, no. 2 (114), pp. 75–90.
- Harman G. Ob'ekty, materiia, son i smert' [Objects, Matter, Sleep, and Death]. *Hegel's Job*, September 3, 2013. Available at: <http://hegelholiday.com/post/61120903446/harmanobjects>.
- Harman G. *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*, Melbourne, re.press & Graham Harman, 2009.
- Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2011.
- Harman G. Realism without Materialism. *SubStance*, 2011, # 125, vol. 40, no. 2, pp. 52–72.
- Harman G. *The Quadruple Object*, Winchester, UK, Washington, Zero Books, 2011.
- Harman G. The Well-Wrought Broken Hammer: Object-Oriented Literary Criticism. *New Literary History*, 2012, vol. 43, no. 2.
- Harman G. Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects, Chicago, Open Court, 2002.
- Harman G. *Weird Realism: Lovecraft and Philosophy*, Winchester, UK, Washington, Zero Books, 2012.
- Harman G. Zero-Person and Psyche. *Mind that Abides: Panpsychism in the New Millennium* (ed. D. Skrbina), Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2009.
- Montebello P. Bergson i Delez, kontr-fenomenologiya [Bergson et Deleuze, Une Anti-Phénoménologie]. *Logos. Filozofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2009, no. 3 (71), pp. 98–106.
- Morton T. *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*, Ann Arbor, Open Humanities Press, 2013.